

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 7

ознакомительный фрагмент

СКАЗКИ

Омск 2019

В седьмой том почти полного Собрания сочинений Игоря Петракова вошли сказки «Лариса в стране чудес», «Лариса в зазеркалье», «Лариса в стране сказок», «Алексей Липин, детектив с дипломом» и «Искатель бессмертия». Кроме того, здесь могли быть представлены небольшая «Энциклопедия Альфа» и тест по русской литературе, состоящий из 120 вопросов.

ЛАРИСА в СТРАНЕ ЧУДЕС

Тихая река - золотые берега,

и прозрачна, и чиста вода,

синяя волна...

Тихая река мои мысли понесла

по течению, видишь -

это я, тихая река.

У истоков голубых озер,

на просторах солнечных долин

начинает свой неблизкий путь

Тихая река.

Глава 1. По направлению к Вану

Лариса скучала, сидя на берегу реки и пересчитывая то, что осталось от ее скромной стипендии после обеда в студенческой столовой. Рядом ее сестра, Аня, перелистывала пособие для юных методистов.

"Какая тоска читать эти книжки без картинок!" - размышляла Лариса.

Было жарко. Можно сказать, припекало. Аня что-то писала в своей тетрадке. На небо набегли тучи, воду несучи. Пахло близкой грозой. Мысли путались, мозги плавилась, веки слипались.

Но как только Лариса отложила в сторону сплетенный ею венок из ромашек, и подняла глаза долу, то внезапно увидела, как прямо перед ней пробежал запыхавшийся преподаватель драматической секции Андреев. Пробегая перед Ларисой и устремляясь дальше по аллее, он восклицал:

- Потерял, потерял! шубу потерял!

(когда потом, уже совсем потом, Лариса как следует поразмышляла над этим высказыванием, то немало удивилась тому, что Андреев ищет шубу в теплое время года. Но в тот момент Лариса чуть было не посочувствовала бедняге. "Как-то он теперь будет преподавать без шубы? - волновалась Лариса, - да еще в двести третьей аудитории? да еще зимой? да еще в субботу?")

Помимо этого, Андреев достал из кармана командирские часы – очевидно, единственное, что осталось ему от шубы. Лариса насторожилась. Затем она приподнялась со скамейки и побежала за драматургом, желая выказать ему свое сочувствие и заодно поставить зачет в свой дневничок-зачетку. На какое-то мгновение Ларисе показалось, что Андреев, мчавшийся между аллей, превратился в белого кролика с красным носом и розовыми глазками. Однако, когда Андреев юркнул в заячью норку, Лариса, не мешкая, отправилась следом . Сперва заячья нора шла прямо как тоннель, но затем круто оборвалась. Лариса обнаружила, что она падает в какой-то колодец.

То ли колодец был слишком глубок, то ли падала Лариса слишком медленно, но полет все продолжался и продолжался...

"Ерунда какая-то случается, - думала Лариса, разглядывая свою зачетку, которую не спешила выпускать из рук, - до чего же некоторые преподаватели любят прятаться от студентов! Оказывается, даже рытьем нор они не брезгают".

Однако тут же Лариса припомнила, что ее гениальная сестренка, Анечка, осталась на берегу реки совсем одна, и опять затревожилась.

"Не вызвала ли бедняжка в панике собак и вертолетов для моих поисков? - все больше и больше волновалась Лариса, - она такая несмышленная, и что из нее выйдет?"

Тут Лариса огляделась по сторонам и обнаружила, что стены колодца были увешаны забавными полочками с какими-то картами, книжками, рисунками, итальянской и чешской посудой.

Если бы Лариса могла удивляться, то она удивилась бы тому обстоятельству / условно говоря, обстоятельству /, что на обложках книг и подписях под картинами не было имен писателей и художников.

"Вот те раз! - подумала Лариса, - а нет ли здесь чего-нибудь по методике преподавания русского языка?". В тот же момент она увидела книжечку с названием "Методист рожден для счастья" и, не рассуждая, сняла ее с полочки.

Она открыла пятую страницу и прочла:

Пособие Панова лежало у стены,

пособие Панова я видел из окна,

отменное пособие страниц на двести-триста,

здоровое пособие для юного лингвиста.

Тут некто Шелаганова пособие берет,
и в рот его, и в рот его тихонечко кладет,
и с аппетитным видом она его жует...

"Кто эта Шелаганова? - пыталась вспомнить Лариса, - складывается такое впечатление, что я о ней где-то читала... или слышала?"

Так Лариса все падала,

падала,

падала...

"Мне интересно, долечу ли я до центра земли? - размышляла она, - не проголодаюсь ли к тому времени? И сколько часов, хотела бы я знать, будет все это продолжаться?! А если я пролечу всю землю насеквозь и окажусь в Австралии? Или в Африке? Или в Южной Америке?"

Лариса никогда прежде не бывала на другом полушарии, но читала, что интеллектуальные способности населяющих его людей очень низки. В ее воображении они почему-то больше походили не то на кенгуру, не то на ленивцев, не то на диких обезьян.

"Не желала бы я жить в сумке у кенгуру, - подумала Лариса, - там же темно, и в Пушкинскую библиотеку не сходишь".

Вниз, вниз, вниз...

Еще она вспомнила про свою кошку Дину, которой нелегко было бы добираться к ней в Австралию.

"Кто нальет молока тебе, бедненькая Дина! Кто приласкает? Представляю, как ты соскучишься к вечеру! Моя единственная Дина... Как мне тебя здесь не достает. Мы бы летели вместе. Только как бы ты ловила на лету мышей? Впрочем, летучая кошка наверняка могла бы ловить летучих мышей. Правда, мне говорили, что летучие мыши по одной не летают. Обычно, как правило, это тучи летучих мышей... Должно быть они очень тучные, дебелие, как в Велико-Трнове... Кошке несдобровать, если она попадетс я им на пути».

И Лариса представила себе - как, должно быть, занятно идти по Велико-Трнову с кошкой под мышкой - или с мышкой под кошкой? - как вдруг... бах! - упала в ворох сухих желтых листьев. Да что там ворох, это была целая гора! Лариса ничуть не ушиблась и сразу же огляделась, ожидая увидеть Андреева.

И действительно, тот уже заворачивал за поворот длинного коридора.

И оттуда уже до Ларисы донеслось: «О, мои ушки! О, мои бакенбарды! Пропащая ты моя головушка!»

Лариса увидела, что она оказалась в длинном низком зале. С верхатуры свисали плафоны – как сталактиты. «Да, уж, каждый, кто протирал на закате плафоны в двести седьмой аудитории, может кое-что рассказать о жизни, – подумала Лариса, – а эти плафоны и вовсе огромные. Послушайте, бедный тот, кто будет их протирать».

Повсюду были двери. Но когда Лариса потрогала одну, другую, третью, то оказалось, что все они заперты.

Но тут Лариса натолкнулась на небольшой трехногий стол; не было на нем ничего кроме крошечного золотого ключа, и первой мыслью Ларисы было то, что это ключ от одной из дверей зала; но, увы! или замки были слишком большими, или

ключ был слишком маленьким, но ни одна из дверей не открывалась. К счастью, она увидела маленькую штроку. За ней обнаружилась дверь приблизительно пятнадцать дюймов высотой: Лариса засунула золотой ключ в замок, и, к ее большому восхищению, ключ подошел!

Лариса открыла дверь – за ней был маленький проход, в который могла бы проникнуть разве что крыса. А за ним – был чудесный сад, с цветами, фонтанами. Ларисе захотелось выбежать из тесной залы в этот сад.

«Даже если бы моя голова прошла, то какой от этого толк? – размышляла Лариса, – Что ей там делать без плеч? Ах, жаль, что я не умею складываться как телескоп! Как бы мне так сложиться?»

В другое время эта мысль показалась бы здравомыслящей Ларисе абсурдной. Но очевидно, она уже начала привыкать к чудесам. Андреева все не было видно. Лариса еще раз подошла к столику, стоявшему посреди комнаты, и обнаружила на нем флакончик, к которому был привязан бумажный ярлычок с недвусмысленной записью "Выпей меня".

«Ручаюсь, еще минуту назад его здесь не было», – подумала Лариса в некоторой рассеянности.

«Однако отчего же не выпить? – спросила затем сама себя Лариса, зная толк в дегустациях бодрящих напитков, – посмотрю только, не написано ли где здесь "яд"»

Лариса слышала немало страшных захватывающих историй о том, как дети, выпив то, чего не положено, или перекусив чем ни попадя, тяжело хворали и даже, случалось, прогуливали школу, что, конечно же, было невыносимо. К счастью, на этом флакончике такой надписи не было. Лариса без особых размышлений взяла флакончик и выпила его содержимое. Вкус был такой, как будто она испробовала вишневый пирог с заварным кремом, закусил ананасом, жареной индейкой, ириской и на десерт употребила горячий намазанный маслом тост.

Тут же она стала стремительно уменьшаться. Через несколько мгновений она была ростом не выше учебника Кодухова.

- Чудеса! – воскликнула Лариса – Если я еще буду уменьшаться, то, чего доброго, стану величиной со свечку или вовсе растаю... Что же тогда будет, девочки?

Она пыталась представить себе пламя свечи, которой уже нету, но не могла. На всякий случай Лариса подождала еще немного, но ничего больше с ней не произошло. Она собиралась уже войти в сад, но тут вспомнила, что ключик оставила на столе. Ключ был так

высоко, что Ларисе было трудновато, вернее, невозможно дотянуться. Она попыталась подобраться к ключу, залезя на стеклянную ножку стула, но эта попытка, как пишет программа «Неро», закончилась неудачей. Лариса просто соскользнула с коварной ножки вниз. От отчаяния она заплакала. Она плакала и при этом строго говорила себе:

- Хватит реветь! Слезами горю не поможешь! Советую замолчать сию же минуту!

Вообще, Лариса была мастерицей давать себе дельные советы. Она могла порицать самое себя, могла трепать себя за свои уши, играть против самой себя в карты.. Для этой способной девочки не существовало понятия «одиночество».

Она могла вообразить себя сразу двумя человеками.

Вскоре она обнаружила себя окруженной со всех сторон огромным наплаканным морем. Только столик, на котором лежала склянка с эликсиром, возвышался над ней как пальма. Впрочем, протерев глаза, Лариса увидела под столиком миниатюрную шкатулку. В шкатулке оказался крохотный пирожок, на котором смородиной было выложено "Съешь".

Лариса откусила немного и...

Глава 2. Как выбраться из наплаканного моря

...тут же принялась стремительно расти. Она увеличивалась до тех пор, пока не уперлась о стенку головой.

«Все чудесней и чудесней!» - подумала Лариса. Не о таком она мечтала, сидя на семинарах по современному русскому языку. Вот где торжествовала логика! Теперь же безконечно далеко, дальше, чем декабристы от народа, были от нее ее же собственные ноги. Они едва виднелись за грядями облаков. Сверху подпирали густые синие тучи, в которых терялся потолок комнаты. Лариса разогнала облака и присмотрелась к своим ножкам. Было такое впечатление, что они вот-вот скроются из виду.

«О, мои ножки, интересно, кто наденет на Ваши ботинки и чулки теперь, дорогие мои? Я, наверное, буду не в состоянии. Я буду слишком далека, чтобы побеспокоиться о Вас. Интересно, куда вы заведете меня? Пожалуй, чтобы Вас задобрить, я дам Вам новую пару ботинок под Рождество».

Все, что оставалось сделать Ларисе – сесть и продолжить сокрушаться. И при этом рассматривать одним глазком крошечную дверцу. Поневоле на глаза навернулись слезы.

А что там «навернулись» - они все лились и лились. Постепенно они образовали целую лужу, которая растекалась по залу.

Неожиданно раздалось дробное постукивание башмаков.

Это возвратился Андреев, блестяще экипированный, с парой белых перчаток в одной руке и большим веером в другой: он прибежал в большой спешке, бормоча:

- О! Герцогиня, Герцогиня! О! она будет в ярости, из-за того, что я заставил ее ждать! '

Лариса была уже в таком состоянии, что была готова попросить помощи у любого; когда Андреев подошел к ней, она начала, низким, робким голосом:

- Пожалуйста, сэр..

Но Андреев яростно засучил ножками, шарахнулся в сторону, уронив при этом перчатки и веер и ускакал далеко в темноту.

Раздосадованной Ларисе остались только его аксессуары.

- Ну и денек выдался, - сокрушалась Лариса, - вчера был день как день, а сегодня... я прямо сама не своя. "Что за ночь с памятью случилось?" - как сказал какой-то писатель... Анечка постоянно забывала его имя. Она вообще отстаёт по всем предметам, а я как-никак в школе

была отличницей. Вот даже теперь, после всяческих происшествий, я припоминаю, что к чему. Вот, например, отрывок из поэмы "Медный всадник" -

На берегу пустынных волн

стоял французский почтальон.

"Постойте, - тут же сказала Лариса сама себе, - какую чушь я несу! Нет, наверняка я выбрала неудачный стишок. Прочту

лучше фрагмент "Не уходи, побудь со мною".

И Лариса торжественно прочла -

Не уходи, побудь со мною,

поможешь клеить мне обои...

"Опять что-то не то, - подумала она, - лучше начну с агно-графии... значит, Париж - столица Рима, а Рим - столица чего? Пекина? Или Лондона? Неужели я и впрямь стала такой как Аня? И мне придется заново проходить все науки! Не видать мне диплома с отличием. Придется опять сдавать экзамен по современному русскому литературному языку...

От такой перспективы Лариса заплакала во второй раз.

Она поднесла платок к лицу, чтобы вытереть слезы, и вдруг заметила, что на нем стоит вензель Андреева. Лариса осмотрелась и поняла, что вновь уменьшилась.

"Вот и славно, - решила она, - а то пришлось бы самой себе сапоги отправлять по почте, - если это не глупо - посылать подарки собственным ногам. А как бы тогда выглядела надпись на открытке? -

Госпоже правой ноге Ларисиной

село Верблюжье Паркетного уезда.

Так размышляя, Лариса направилась к залитой водой дверце. Перед Ларисой плескалось бурное море. Дело в том, что когда она увеличивалась, ее слезы увеличивались вместе с ней.

- Море! - догадалась Лариса, - от моря проще всего добраться до дома по железной дороге.

Лариса однажды путешествовала к морю- запомнила красочные кабинки для переодевания, малышай, играющих в песке, домики и главное - вокзал и рельсовую дорогу.

Но тут же Лариса поняла, что никакого это не море, а ее собственные наплаканные слезы. А кому, скажите мне, захочется прокладывать железную дорогу к Ларисиным слезам?

"Не захлебнуться бы в них, - думала Лариса, - такого-то еще не бывало... Впрочем, все, что происходит, - разве оно случалось когда-нибудь?"

Она попробовала воду на вкус, - вода была соленой. Плыть было некуда. Лариса попыталась доплыть до заветной дверцы, но тут услышала рядом плеск. Кто-то тоже свалился в воду. Лариса подплыла поближе, чтобы разобраться, что это за существо: в начале она думала, что это морж или гиппопотам, но когда вспомнила, насколько она теперь маленькая, то поняла, что это существо не должно быть больше мыши.

И в самом деле, Лариса увидела барахтующуюся в воде мышь.

Мышь, очевидно, не нарочно свалилась в Ларисины слезы и вот, пища, шевеля усиками, пыталась приблизиться к суше.

- Сюда, сюда! - закричала было Лариса, но тут же замолчала в некоторой растерянности.

"Стоит ли заговаривать с мышью?" - спросила сама себя Лариса.

Мышь тем временем подплыла ближе, забавно перебирая лапками.

"Все-таки мы не представлены друг другу, но, пожалуй, можно попробовать".

И она обратилась к соседке:

- О, мышь, знаете ли Вы, как можно выбраться отсюда? Я очень устала бродить и плавать здесь взад и вперед, о мышь!

Ларисе казалось, что это верный способ обращения, когда говоришь с мышью. К тому же она вспомнила, что видела в брат-ниной латинской грамматике столбик склонений: мышь, мыши, мыши, мышь, о мыши и о, мышь!

Мышь посмотрела на Ларису с некоторым интересом, но ничего не произнесла.

"Как знать, она, может быть, не понимает по-русски? - предположила Лариса, - вероятно, это французская мышь, оставшаяся при отступлении Наполеона".

- Ву э ма шатт? - заговорила Лариса, вспомнив предложение из учебника французского языка. Вообще, это означало «Где моя кошка?». Но уж очень было похоже на что-то про мышат.

Мышь так и выпрыгнула из воды и, казалось, вся задрожала от страха.

- Извините, - сказала Лариса, - я совсем забыла, что Вы не любите кошек.

- А терпеть кошек - это для Вас приемлемо?! - надрывно завизжала мышь, - Как их можно любить, поразмысли сама!

- Не сердитесь, о, мышь!.. Все-таки я желала бы познакомить Вас с Диной. Вы научились бы ценить кошек, увидя ее. Она такое забавное, спокойное существо... Сидит она, бывало, у меня на коленях, мурлыкает, лапки облизывает, умывается... И так приятно нянчить ее. И она так превосходно ловит мышей.

- Нет, сие невыносимо! - страдальчески пискнула мышь, намечая фарватер для отплытия.

- Мышечка! Прошу тебя - не беспокойся... Я не буду говорить про кисок, только не уплывай! Больше ни слова о кошках. У наших соседей есть такой очаровательный песик.

Небольшой ясноглазый терьер, Вы знаете, с длинной такой вьющейся Каштановой шерстью! Он всегда принесет вещи, когда Вы бросите их, и будет сидеть и просить свой обед, и много разных штук знает - я не вспомню и половину из них. Он принадлежит фермеру, и он говорит, что это настолько полезный песик, что стоит он сто фунтов! Хозяин говорит, что этот терьерчик убивает всех крыс и - о Боже! Я опять что-то не то..

Мышь, рассекая мордочкой воду, быстро принялась уплывать от Ларисы.

- Мышечка! – крикнула Лариса ей вдогонку, - вернись! Я больше ни слова не скажу о кошках и собаках!

Мышь повернулась и опасно поглядела на Ларису. Носик ее побелел то ли от страха, то ли от возмущения.

- Плыви за мной, - пропищала мышь, - мои друзья расскажут тебе куда более поучительные истории.

Глава 3. Птичий базар, или Околесица

На берегу огражденного скалами залива Лариса увидела настоящий Птичий базар (не путайте, дорогие друзья, с Птичьим рынком). Лариса слышала галдеж чаек, гогот гусей, крикание, пищание, крики устриц во время брачных игр, вопли, шутки, прибаутки. Мышь, которая оказалась весьма тесно знакома с обычаями тутошнего общества, привела Ларису в компанию, состоящую из попугая, пожилого Дронты, канарейки, уткуноса и гусыни с двумя ее дочерьми. Веселье было в самом разгаре. Попугай рассказывал истории, - публика, как могла, аплодировала. Лариса прислушалась к одной из историй, потому что имя главного героя - Гамлета - показалось ей смутно знакомым.

- Этот чувак, короче, - рассказывал Лори, - учился за границей, и вдруг вызывают его домой каблогаммой, мол, приезжай, папа коньки отбросил. Он приезжает - типа, что за дела? И выясняется, что папу... замочили. Причем это ему сам папа рассказал, ожил в полночь и рассказал. Как в фильме Арсения Тарковского.

Лариса впервые встретила с такой необычной трактовкой литературного сюжета и даже хотела по привычке конспектировать, но пожилая гусыня так выразительно посмотрела на извлеченное Ларисой перо, что запись пришлось отложить.

- А тут еще его маманя, - продолжал Лори, - выскочила замуж за его дядю, папиного брата, который, кстати, папу и замочил. Ну, у парня после этого крыша потекла, виртуально потекла, стал он всякую пургу нести, типа "бить или не бить" и "Офелия, о нимфа". Офелия тоже потом съехала и утонула в сауне. В общем, у нее еще был брат Лаэрт, и у них начались с Гамлетом конкретные разборки... короче, все, включая Розенкранца и Гильденстерна...

- Нет, Гамлет, конечно, хороший мужик, но Полония зря убил, - поддакнул Дронт, - а вот был "реальный" мужик, его Дон Жуаном звали. По незнанию замочил одного чувачка - мужа одной из своих... А чувак оказался важной шишкой у себя на родине, ему даже бюст поставили в полный рост. Короче, Женю выслали на сто первый километр. Ну, там он покуражился, как мог, и ночью приехал на кладбище, над покойным глумиться, дурачок.

Говорит памятнику, типа, слабо тебе прийти на светский ужин?

И после пошел к вдове кушать. Только они сели, не успели даже поллитру приговорить, - в дверь стучат. Он думал - соседи пришли за солью или за спичками. Открывает - а там этот придурок бетонный стоит, хорошо еще, что не конный. Говорит: "Дай руку", - и как начнет

жать. Дон Жуан говорит - "пусти, дурак кирпичный, мне больно". А тут еще вдова упала на пол, паркет проломился, и они оба в погреб свалились. Огурцы соленые, варенье из черноплодки, которое Анька на зиму запасла - все вдребезги!

- А вот какой шухер был - не сравнить! - вдруг произнесла мышь.

Лариса от неожиданности чуть вафелькой не подавилась. Ее подруга, оказывается, не гнушалась таким сленгом! А как щепетильна она была в отношении рассказов про кошек!

- Значит, мужики держали весь город, - повествовала мышь,

- все у них было схвачено, за все проплачено. И вдруг вызывает всех мэра и говорит, что, значит, имею пренеприятнейшую информацию: к нам едет мэн с проверкой, причем переодетый в штатское.

- Обалдеть..! - воскликнул пожилой Дронт.

- Короче, мужика вычислили, - обнадежила присутствующих мышь, - встретили по высшему классу: охота, бассейн, девочки, все дела. Чувак почувствовал, что его несет, и стал их лечить по полной программе - типа он в столице самый крутой, все олигархи под ним, с артистами на дружеской ноге.. Каждый ему, естественно, свое отстегнул, и он уехал. А потом выясняется, что это был не мужик с проверкой, а так, чайник. В общем, там в конце концов приехала настоящая проверка, и парни, как говорится, встряли по-крупному.

Все приведенные рассказы заимствованы из журнала "Вопросы литературы".

Лариса вспомнила, что читала что-то похожее в детстве. "Что бы это могло быть?" - размышляла она, пока птицы взбадривали себя приемом принесенных заранее напитков. Однако на ум приходила только одна песня группы "А-Студио":

...недотыкомка ждет меня у окна,

вечерами темными, как всегда, у окна

ждет меня, ждет меня.

Впрочем, в точности цитирования Лариса здесь была не вполне уверена.

Следующую историю рассказывала канарейка.

- Значит, жил один чувак, - начала она, - звали его Германн. Ну, как первого космонавта. Но сейчас не об этом. Короче, чувак влачил жалкое существование. А тут одна бабуля, дурында старая, в молодости была кидалой, оказывается, знает какой-то карточный фокус с тремя картами... Ну, стал он под окнами маячить - времени свободного у него было немало - он же влачит - да уж решил заодно приударить за бабкиной племянницей. Короче, втерся в семейку, стал вечерами бывать у них, подкатывал к графине - "бабушка, дайте, я Вам ноги пледом укутаю" или, скажем, "дайте, я Вам на ночь "Преступление и наказание" по-читаю". Но бабка была какая-то не такая: Германна не любила, только разъезжала по дому на кресле-каталке. Подкараулил он ее ночью с газовым пистолетом и говорит: "Колись, гадина, про три карты". А она не дотумкала, что пистолет газовый, и кони двинула...

- Извините, речь идет о известном юристе А.Ф.Кони?- спросила Лариса заинтересованно.

- Поясняю: ласты склеила! - ответила канарейка - короче, коньки отбросила!

Он весь в отказах пошел домой и лег на диван. И тут во сне приходит к нему графиня... ну, как Фреда Крюгер к этой чувихе в третьей части... и говорит, мол, тройка, семерка, туз. Он взял тачку - и в казино. Поставил все бабки, последний ход его, у него козырный туз, кладет его - а это пиковая дама. Опаньки, что за дела? Копперфильд отдыхает. Он в крик, давай за пушку хвататься, а ее нету - ее же у него на входе отобрали.

- Гениально, гениально! - захлопала крыльями гусыня.

- Пожалуйста, расскажите что-нибудь из Достоевского,

- попросила Лариса, - мне это к зачету необходимо... то есть я хотела сказать - к семинару.

"Чего доброго, с ними весь русский язык забудешь, - подумала она, - в понедельник семинар, во вторник два коллоквиума, в среду практикум... нет, вроде основные темы не потеряла.."

- За этим не станет, - сказал попугай, - значит, парень приехал в столицу учиться. Соблазнов вокруг немало - мерседесы, казино, чуваки ходят с трубками, а он в кедах, снимает в коммуналке комнату и живет на одних бульонных кубиках. А тут предки ему денег прислали за полгода - за квартиру платить, он отнес их одной бабке, у той фирма была, прокручивала она это все и про-центы выдавала. Ее так и звали - процентщица. Ну, пару месяцев он проценты снимал, а потом понял, что ему бабки нужнее, чем ей. Короче, пришел он к ней в выходной, все рассчитал - охрану она отпустила, пейджер выключила, и сидит, оперу смотрит. Сначала типа здоровался, а потом как шарахнет по макушке кияночкой... кровящи - как в "Крепком орешке", когда негра в аэродвигатель засосало. Он отпечатки пальцев стер, бабку в багажник, в лес отвез, вроде все по-взрослому сделал, а приехал домой, и сразу подсел, температура, там, глюки разные начались. Короче, сам пошел и ментам сдался. А они на радостях ему еще ограбление продовольственного магазина повесили и незаконные брокерские операции.

- Да, там была еще одна девица, - припомнил попугай, - очень любила мармелад и спать. Ее так и звали - Соня Мармеладова.

- Значит, в финале его все-таки сцапали? - спросила Лариса.

- Что ты такое говоришь! - вдруг завопила мышь - все, я сматываю хвост! - с этими восклицаниями она попыталась поспешно скрыться в тумане.

- Опомнитесь, мышь! - сказала гусыня, - мы еще не закончили рассказывать истории. А их можно рассказывать о чем угодно, даже о Вашем кхм.. хвосте.

- О моем хвосте? - переспросила заинтересованная мышь, - что ты можешь о нем рассказать, детка?

- Я смотрю на ваш хвост и представляю себе, как он вьется между рифм. И получается вот что..

Тише, мыши,

кот на крыше,

Мышу кот всегда услышит,

Если,мышь, ты шебуршишь,

Нарушая ночи тишь..

Жизни мышья беготня,

Что тревожишь ты меня?

Так шуршит мыша за печкой,

Из-за печи не лепечет,

Тихий раздается писк,

Но и он для мыши

– риск.

Не попасться б

на дорожке..

Знаешь, сколько лап

у кошки?

Столько же, как у кота –

Все четыре – мягкота.

Спринтер так

Спешит на финиш,

Так что ты едва увидишь

Хвост, мелькнувший

как камыш,

Убежала

мышка,

мышь..

- За время чтения этого стиха мы хорошо высохли! – с удовлетворением воскликнул Дронт.

- Сейчас вы у меня совсем высохнете, - пообещала мышь. Она раскрыла припасенную книгу и начала:

Раз, в крещенский вечерок

Собирали вече

Крепостные казаки

В запорожской сече.

Лори—попугая так и передернуло.

- Вы что-то хотели сказать? – спросила мышь.

Лори смущенно потупил глазки.

- В таком случае продолжим.

В междуречии двух рек,

Тигра и Евфрата,

Древнеримские рабы

Жили небогато.

Лариса, услышав эти строки, вспомнила стихи известного современного автора:

А за скрюченной рекой, Томью,

Там в домишке,

Жили летом и зимой

Скрюченные мышки.

Впрочем, и здесь в точности цитирования она не была уверена.

- Вся это история одна сплошная гонка за славой, - заметила гусыня.

- Это еще не гонка. Сейчас будет гонка, - пообещал Дронт, - Сейчас я нарисую круг.

И он принялся рисовать круг. Причем круг получился какой-то некруглый. Потом Дронт расставил всех по периметру. И даже Ларису! Каково же было удивление героини, когда все – мышь, гусыня, попугай, Дронт и другие – принялись бестолково гоняться друг за другом внутри круга. Гонялись так, что совсем разгорячились и окончательно высохли.

- Гонка завершена, - объявил Дронт.

Тогда оставшиеся окружили Дронта и стали вопрошать: «Кто победитель?»

На такой вопрос так сразу и не ответишь. Пожилой Дронт задумался, причем палец упер в лоб, (положение, в котором Вы обычно видите Шекспира на картинах, изображающих его) и посидел так немного.

- Выиграли все, - наконец сказал Дронт, - и все получают призы.

- Давайте награждать! – загалдели все, - А кто будет награждать?

Древний Дронт указал на Ларису:

- Она. Больше никому.

- Но у меня с собой только зачетка, - грустно сказала Лариса.

- То, что нужно! – воскликнул пожилой Дронт, - давай ее сюда!

- Нет, это не отдам! – заупрямилась Лариса.

- Как же так?! – изумился Дронт, - это же приз!

- Если не будет призов, то я сматываю хвост, - заявила мышь.

И развернувшись, махнула хвостиком, как бы прощаясь. Старая гусыня воспользовалась случаем, чтобы сказать дочери:

- Вот, милая, смотри, как нехорошо вышло...

- Закуси язык, мать, - ответствовала та, - с тобой и улитка из себя выйдет!

- Если бы Дина была здесь, - мечтательно произнесла Лариса, - Дина быстро бы притащила ее сюда.

- Извините, - сказал попугай Лори, - а кто такая Дина?

Лариса всегда была готова говорить о своей любимице:

- Дина - это моя кошка. Она чудно ловит мышей. Или вот еще - птичек. Птичка только сядет, как она ее хватить!

Эти слова произвели совершенно исключительное впечатление на окружающих. Многие сию же минуту поспешили прочь.

Дронт принялся кутаться в шарф, приговаривая "Пора домой, - видимо, я простужен". Канарейка дрожащим голосом стала созывать своих птенцов. Кукушка принялась кликушествовать.

Так все они под разными предложениями удалились.

"Напрасно, видно, я упомянула про Дину, - печалилась Лариса, глядя, как улепетывает за своими товарищами попугай Лори, - никто ее здесь не любит, а я была уверена, что она лучшая кошка на свете. Бедная моя Дина! Неужели никогда не увидать тебя теперь?"

И Лариса уже в третий раз готова была заплакать... как вдруг услышала знакомую нам андреевскую пробежку.

часть четвертая

Горемыка Билл

Да, это был Андреев. «Герцогиня! Герцогиня! О мои дорогие лапы! О мой мех и бакенбарды! Бедная моя головушка! И где я их потерял!»

Лариса сразу догадалась, что Андреев сокрушается о веере и перчатках. Лариса захотела помочь Андрееву. Она оглянулась в поисках веера и перчаток. Но ничего прежнего уже не было – ни большой залы, в которой она росла, ни стеклянного столика, ни перчаток, ни веера. Лариса несколько растерялась.

- Милочка! - воскликнул Андреев, который ее только что заметил, - будь любезна, сбегай на кафедру за моей шубой! Не иначе, оставил ее там...

"Но меня зовут вовсе не Милочка", - хотела было возразить Лариса... но Андреев уже умчался к реке. "Наверное, он принял меня за свою дипломницу, - размышляла Лариса, направляясь к кафедре русской литературы, - представляю его смущение, когда он узнает, кто я на самом деле".

Перед Ларисой возникла хибарка, на двери которой было написано "Здесь сидит фазан". Внутри домика Лариса обнаружила несколько шуб, висевших на вешалке в правом углу. "Какаяже из них андреевская? - спрашивала сама себя Лариса, - не разобрать!"

- Милочка! - кричал меж тем откуда-то издалека Андреев, - долго мне еще ждать шубу?

"Неужели я похожа на Милу Руткевич?" - печалилась Лариса.

Она в задумчивости взяла все висевшие шубы и стала перебирать их, пристально разглядывая. Да, выбор шуб на кафедре СРЛЯ был богат. Ему мог позавидовать любой преуспевающий магазин.

Взгляд Ларисы упал на небольшую бутылку, которая стояла около окна.. Не было на ней никакого ярлыка типа «ВЫПЕЙ МЕНЯ».

- Наверняка это чай, - вслух сказала Лариса, - известно, что кафедре СРЛЯ любят пить чай.

При этом она вспомнила известную историю, рассказанную Алексеем Липиным в журнале «Бузовик»: «Однажды, на кафедре СРЛЯ некая М.Н. Каплина пила чай. Подул ветер. Чай пролился. «Кислота, вроде серная», - подумала Марина Николаевна, шевеля расплавленными пальцами». Однако несмотря на пугающий финал этой истории Лариса откупорила бутылку и приложилась к ней.

Прежде чем она выпила половину, она уже выросла до того, что уперлась головой в потолок. Лариса перестала пить из бутылки. Но по инерции (идиоматическое выражение, больше

всего понятное пассажирам «Титаника») она продолжала расти. Ей пришлось встать на колени, так как она уже почти не помещалась на кафедре.

- Достаточно! – воскликнула Лариса, - Пора уже и честь знать.

Но остановиться она не могла. И все росла, росла и росла. Пришлось лечь с локтем около двери, а другую руку обвить вокруг головы. В завершение всего она выставила одну руку из окна, а ногой пробила дымоход.

« Я уже жалею, что я спустилась по этой норе, которую вырыл Андреев, - подумала Лариса, - и все же - и все же - это довольно любопытно! Я действительно задаюсь вопросом, как это МОГЛО случиться со мной!

Когда я обыкновенно читала сказки, я никогда не представляла себе, что такое может случиться со мной. Когда я вырасту, я обязательно напишу книгу о том, что со мной случилось.. Впрочем, я уже выросла. В этом есть и положительные стороны. Я никогда не стану старше, чем теперь. Никогда не буду старушкой.

Придется мне всегда учиться. Вот увлекательное, скажу я Вам, занятие!

О, ты, глупая Лариса! - ответила она сама себе, - Как ты сможешь учить уроки? Ведь даже кафедра современного русского литературного языка для тебя мала. Даже на кафедре тебе негде развернуться. Нужно ли такой девочке еще что-либо учить?»

Между тем за дверью раздался дробный топоток. Как догадалась Лариса, это приближался нетерпеливый Андреев. Лариса так задрожала, что вся кафедра затряслась. Она и забыла, что стала такой большой, что ей глупо было теперь бояться своего преподавателя.

Итак, Андреев подошел к двери, и попытался открыть ее;

но, поскольку дверь открывалась внутрь, и локоть Ларисы был прижат к ней, это было сделать трудно. Лариса услышала:

- Тогда я вернусь и влезу через окно!

- Попробуйте, - улыбнулась Лариса.

Подождав немного, Лариса в самом деле услышала, что в окно кто-то лезет. Она высунула руку и попыталась сцапать Андреева. Она промахнулась, но услышала звон разбитого стекла. Похоже, она все-таки задела Андреева, и тот, падая, разбил витрину ресторана «Сибирская корона». И тут же раздался вопль:

- Пат, Пат!! Где ты, негодник?

- Я здесь, газоны постригаю, - ответил недовольный Пат.

- Прекращай и помоги мне немедленно! (после этих слов Андреева снова послышался звук бьющегося стекла).

- Погляди-ка, Пат, что это в окне.

- Рука, вашчесть.

- Ты когда-нибудь видел руку такого большого размера? Она заполняет все окно!

- С этим нельзя не согласиться, ваша ученая честь, но тем не менее это рука. На ней пять пальцев, вашчесть.

- Хорош спорить. Пойди и выволоки это бревно из окна.

- Не нравится мне это, вашчесть, - попробовал возразить Пат.

- Так ты еще труслив как заяц.. Не можешь выволочь бревно!

Лариса пошарила рукой в воздухе. Раздался повторный двойной визг, и снова посыпались стекла. Затем все стихло. «Терпеливый персонал в ресторане «Сибирская корона», - подумала Лариса, - ни одного стога или проклятья я что-то не услышала. Или они все пошли обедать в «Ростикс»?»

Затем послышался шум шин машины, и кто-то припарковался рядом с окном.

Раздались голоса:

- Где другая лестница?

- Да ведь я должен был привезти одну.

- У Билла есть другая.
- Билл! Принеси сейчас же!
- Здесь, поднимай ее. В этом углу - нет, свяжите их сначала обе - они не достигают половины.
- О! достаточно.
- Сюда, Билл! хватайся за эту веревку.
- Крыша-то выдержит?
- Головы ниже!
- Теперь осталось выяснить, кто сделает это.
- Это должен сделать Билл, я полагаю.
- Нет, я не буду!

- Билл! доцент говорит, что Вы подниметесь к окну!

«Ох, уж этот Билл, - подумала Лариса, - не завидую я ему. Сейчас бедолага получит от меня по первое число».

При этих словах Лариса вспомнила о стипендии, которая как раз выдавалась накануне.

Итак, за стеклом раздался стук и громыхание. Лариса взглянула в окно и увидела какого-то штукатура-маляра. Тот сидел в люльке как раз напротив окна, но Ларисы не заметил.

"Очевидно, это есть Билл. Подожду, посмотрю, что он предпримет," - решила Лариса.

За стеной раздавались голоса:

- А кто трос будет подавать?
- Сам подавай, если хочешь...

Ларисе надоело слушать эти вопли и, высунув руку в окно, она легонько толкнула люльку, однако сил не рассчитала...

- Смотрите! Билл летит! - раздалось за окном.
- Ловите его у плетня...

"Горемыка Билл..." - покачала головой Лариса.

- Приподнимите ему голову.
- Дайте ему глоток.
- Осторожней!
- Как ты себя чувствуешь, Билл?
- С чего это ты так взвился?

- Как будто я знаю, - причитал Билл, - как меня схватило, как жажнуло, как подбросило, как взметнуло...

Ларисе было неприятно, что ее действия получали столь безличную парадигму, и, приоткрыв окно, она воскликнула:

- Погодите - то ли еще будет!

Мгновенно наступила тишина. Однако через минуту до Ларисы долетели слова Андреева:

- Одной тачки будет достаточно.

«Тачки – чего?» - подумала Лариса. Не успела она как следует поразмыслить на эту тему, как тут же была обсыпана градом из мелких камушков.

- Что вы там вытворяете! – с возмущением крикнула Лариса.

За окном снова воцарилась тишина. Лариса между тем заметила, что камешки на полу кафедры превратились в беляши. «Съем, пожалуй, один из этих беляшей. Я обязательно должна уменьшиться в размере, потому что расти дальше уже некуда». Лариса проглотила один из беляшей («Этот беляш можно жевать – жевать и не переживать никогда», - подумала она), и тут же стала уменьшаться.

Воспользовавшись общей обезкураженностью, Лариса выбежала из домика. Чудеса были вокруг дома: грозные голосистые существа оказались не кем иным как маленькой ящеркой, двумя морскими свинками, и еще несколькими птицами и зверушками. Как только Лариса показалась на пороге, вся толпа ринулась к ней. Лариса побежала.

Бежала она так стремительно, что сама не заметила, как оказалась в лесу. Или в сквере напротив Педагогического? Здесь она, во всяком случае, призадумалась.

«Первая вещь, которую я должна сделать, - сказала Лариса себе, - `дорости снова до моего правильного размера, и вторая вещь - найти путь в тот прекрасный сад. Я думаю, что будет лучший план».

Да, это был превосходный план. Единственная трудность была в том, что у Ларисы совсем не было идей насчет того, как его осуществить. В поисках идеи она всматривалась в заросли боярышника («Не хочу зависеть от аптек!»), как вдруг над ней кто-то гавкнул.

Огромный щенок вниз смотрел на нее широко раскрытыми глазами и слабо протягивал одну лапу, пытаясь коснуться ее.

- Бедняжка! – воскликнула Лариса, опасаясь, как бы этот гигантский щенок не проявил несвойственную собакам его возраста агрессию.

Едва осознавая, что она делает, Лариса подняла небольшую палку, и протянула ее к щенку; после чего щенок подскочил в воздух со всех ног, с визгом восхищения, и помчался к палке, и принялся играть с ней.

Лариса попыталась спрятаться в кустах боярышника. Но как только она выглянула из них, щенок другим порывом снова устремился к палке, и упал кубарем в спешка овладевая этим предметом. «Это напоминает игры с ломовой лошастью, - подумала Лариса, - и ожидание каждый момент быть растоптанной под ее ногами».

Она снова попыталась забраться в куст. А щенок тем временем резвился совсем по-щенячьи, прыгал на палку, лаял все время, задыхаясь, с языком, висящим из рта, и его большие глаза при этом наполовину закрывались.

Лариса еле-еле улепетнула от него. Она бежала, пока не выбилась из сил. Присев в тени лепестка лютика, чтоб перевести дух, она вслух сказала:

- А щенок был просто прелесть. Я могла бы его научить разным вещам, если бы он был другого роста. Хотя, если подумать, другой рост необходим мне, а не ему. Пойдите.. Для того, чтобы вырасти, нужно, как известно, что-нибудь съесть или выпить. Но как узнать, что именно?

Лариса смотрела повсюду вокруг себя в цветах и былинках, но не находила

Ничего, что было бы похоже на знакомые продукты, которая она прежде ела. Был лишь большой гриб, растущий около нее, она смотрела под него, и с обеих сторон него, и позади

него. Затем ей пришло в голову посмотреть, что было на вершине гриба. Там сидела с поджатыми руками, спокойно куря длинный кальян, гусеница.

Глава 5. В лесу графства Нью-Чешир

Посреди леса возвышался невиданный доселе большой гриб, на котором важно восседала... обыкновенная гусеница. Мохнатая гусеница долго смотрела на Ларису, потягивая благовония из кальяна.

- Кто ты? - прищурясь, спросила она.

- Лариса, - ответила Лариса, ничуть не смутившись прямотой вопроса.

- И что ты хочешь этим сказать?

- Видите ли...

- Не вижу, - возразила гусеница.

Так дискуссия зашла в тупик.

- А Вы не чувствуете, что все здесь устроено как-то... странно? - спросила Лариса, - я была здесь совсем разных размеров, и, признаться, основательно запуталась.

- Это вовсе не странно, - возразила гусеница.

- Вот если Вы превратитесь в бабочку, это наверняка покажется Вам странным! – воскликнула Лариса, - и то же самое происходит и со мной.

- Как это? – не поняла гусеница.

Лариса, раздосадованная на непонятливую гусеницу, повернулась и собралась уходить.

- Обернитесь! – потребовала гусеница, - я еще не сказала Вам самого главного.

Лариса вернулась.

- Главное – оставайся сама собой, - изрекла гусеница.

- И это все?

- Нет, не все.

Здесь гусеница выдержала мхатовскую паузу. В течение нескольких минут она сидела молча без разговора, посасывая кальян, а вынув кальян его изо рта, сказала:

- Таким образом, ты думаешь, что сильно изменилась, не так ли?'

- О, да, - подтвердила Лариса.

- Но хоть что-то в тебе осталось от прежней Ларисы?

- Не думаю. Я даже «Не уходи, побудь со мною» перепутала.. пробовала прочесть, но получилось совсем не то...

- Тогда прочти "Скажи-ка, дядя, ведь недаром..." - рекомендовала гусеница.

Лариса сложила руки на коленках и прочла:

- Скажи-ка, дядя, ведь недаром

с утра ты пышешь перегаром?

- Дар мне такой был дан с рожденья.

Дождавшись, внучек, воскресенья,

Я принимаюсь за питье,

Затем гусей двенадцать дюжин

Я загоняю в двор, и ужин

Не доставляет мне хлопот.

Для питья не нужен повод,

Оно целительней уколов

Мне помогает, е-мое!

- Скажи-ка, дядя, ведь недаром

Тебя считают очень старым?

- Ну что сказать тебе на это?

Зато я не из тех, что летом

Готовят сани для зимы,

А также драные пимы.

Да, были люди в наше время,

Не то что нынешнее племя,

Богатыри – не Вы!

Работа до седьмого пота,
От утра до сна работа,
Не поднимая головы!

- Скажи-ка, дядя, ведь недаром

ты оскорбил одним ударом?

- Прости, не знаю что сказать.

Не знаю, как и передать –

Запас лексический мой беден,

Как у белесого медведя,

Поэтому руками я

Махать привык несообразно,

Жестикулировать несвязно,

И чувства этак выражать.

Дальше Лариса читать не стала. Она только закрыла лицо руками и тихонько завсхлипывала.

- Это не то, - подтвердила опасения Ларисы гусеница.

- Кажется, - согласилась Лариса, - все задом наперед... Если такое позволяет себе декламировать староста тридцать третьей группы, то страшно предположить, что могут прочитать Сергей Муся или Флора Назырова.

- Да уж, - проговорила гусеница, - флора у нас бедная, зато фауна... Смотри, смотри!

С этими словами гусеница показала наверх. Лариса чуть приподняла голову и увидела, что в вышине с шумом пролетел косяк как бы огромных птиц.

- Это пустынные зайцы полетели, - пояснила гусеница, - смотри, как они машут ушами, очень уж они у них большие. Да... Это тебе не розовые слоники, которые в канаву забились.

Затем снова воцарилось молчание.

- А какого размера ты хотела бы быть? – поинтересовалась гусеница у Ларисы.